

Его дерзкие слова, полные презрения, не понравились Су Чанлань. Она махнула рукой, приказывая надзирателям применить пытку, но Му Лян преградила им путь:

— Генерал Су, дождитесь моего ухода, а потом делайте что хотите. Я пришла опознать человека, а не смотреть, как вы его избиваете.

Её слова дали Линь Сы передышку. Он презрительно усмехнулся, но тут же закашлялся, всё тело сотрясилось в спазме, а звоном цепей резал слух.

Сердце Му Лян сжалось. Она серьёзно смотрела на человека перед собой, желая спросить, но боясь, мысли путались.

Линь Сы бессильно обмяк в углу, но в глазах читалось пренебрежение. Он бормотал сам себе:

— Когда покойный император воевал без жалования и продовольствия, мой отец продавал торговые лавки, чтобы поддержать армию. За несколько лет имущество семьи Ло было распродано почти целиком. Восьмой князь получил от моего отца уникальный драгоценный меч, который по цене стоил половину города Лоян. А тот гад Му Нэн получил от моей старшей сестры драгоценность, название даже не помню... Это то, что моя сестра отдала ценой своей жизни, а он просто взял. И ещё он привёл людей, чтобы перебить всю мою семью, все они мерзавцы. Даже ты, Су Чанлань, получила немало выгод от семьи Ло, а теперь спрашиваешь, куда делось имущество. Я ещё...

Он тяжело дышал, сил не хватило договорить, но Му Лян поняла смысл его слов.

Её отец как старший... когда он получил сокровища княжны Ло... тем более ценой чьей-то жизни...

Ло Цин отдала жизнь только ради безопасности Синьян и того новорождённого ребёнка. Линь Фан доверил сироту, Линь Сы привёл сына... Все эти совпадения, где здесь абсурдный брак?

Здесь был только план Ло Цин перед смертью. Ребёнка оставили в семье Линь, но где было безопаснее, чем в семье Му?

Она в ужасе отступила, боясь смотреть, лицо побледнело. Су Чанлань решила, что та напугана и ничего не добьётся, и сказала:

— Княжна, выходите наружу.

Му Лян уже не слышала её слов. Как во сне она вышла из камеры вслед за надзирателем. Спускаясь по ступеням, она оступилась и чуть не упала, что вернуло её к реальности.

Покинув Палату Дали, она была в сильном смятении. В голове раз за разом всплывали слова Линь Сы: «Это то, что моя сестра отдала ценой своей жизни...»

Эта фраза звучала снова и снова, вызывая головную боль. Карета проезжала по оживлённой улице, шум города усиливал хаос в груди.

Линь Сы обманул всю Великую Чжоу, держа всех в неведении. Она едва могла в это поверить.

Был ли это план Ло Цин перед смертью или Линь Сы специально обманул Девятого князя? В любом случае, он считал её, её отца и всю семью Му дураками, разыграв великолепную комедию.

В её раздражении карета вдруг остановилась, занавеску откинули, Линь Жань высунула голову с улыбкой:

— А-Лян, они тебя обидели?

Сказав это, она пригнулась и вошла внутрь, карета снова плавно тронулась.

Му Лян не хотела разговаривать. Она закрыла глаза, прислонившись к стенке повозки, и чувствовала себя виноватой перед Линь Жань. Что они были друг для друга в конечном итоге — муж и жена или тётя и племянница?

Хотя между ними не было кровного родства, о побратимстве их отцов знала вся Великая Чжоу. Более того, Синьян ещё не знала истинного происхождения Линь Жань. Если однажды это раскроется, как она с этим справится?

Сложные отношения, в конце концов, нарушают этику.

Му Лян молчала. Линь Жань подумала, что у неё просто плохое настроение. Ведь это отец сначала подставил А-Лян, как ни посмотри — это непорядочно. К тому же, после визита в темницу Палаты Дали, грязной и жуткой, хорошего настроения не жди.

Раз А-Лян не хочет говорить, она не станет спрашивать, просто будет тихо сидеть рядом.

Линь Жань немного подумала и не стала расстраиваться. Главное, что А-Лян вернулась в безопасности. Му Лян не шевелилась, и Линь Жань повернулась боком, обняла её, положила голову ей на плечо, закрыла глаза и тихо слушала стук колёс.

В повозке было тихо и уютно. Му Лян, крепко обнятая Линь Жань, почувствовала, как тревога и паника в сердце сменились тёплым потоком. Кровь в жилах закипела. Она опустила взгляд на маленькое ухо Линь Жань, выглядывавшее из волос, которое подрагивало, как у кролика.

В сердце наступила странная тишина, в голове остались только красные и белые пятна, и она смотрела только на это ушко.

Хозяйка ушка, вероятно, не выдержала и снова почесалась головой, ухо тоже пошевелилось. Му Лян слегка улыбнулась, потянулась рукой и погладила его. Тёплое прикосновение нагрело кончики пальцев.

Линь Жань внезапно снова ущипнули за ухо, она инстинктивно начала оправдываться:

— Это... это то, что сказал отец. Он сказал, что Су Чанлань не посмеет тронуть тебя, поэтому тащил меня обратно. Но отец сделал это ради моего блага.

На этот раз он вытащил её из водоворота, и это было больше, чем просто «благо». Линь Жань была благодарна Му Нэну и по-настоящему уважала его как отца.

Видя, что А-Лян в безопасности, она заботилась только об этом. Она старательно объясняла, надеясь, что А-Лян не будет сердиться.

Но пока говорила, не смела поднять глаз. Вовне она не боялась ни Синьян, ни Чанлэ, не испытывала страха перед Су Чанлань, была очень смелой, но перед Му Лян становилась редко робкой.

Слово «робкая» было не совсем подходящим. Возможно, с детства она привыкла к такому

образу жизни с Му Лян. А-Лян относилась к ней хорошо, а Линь Жань отвечала ей симпатией, уважением, любовью и почтением одновременно.

Перед лицом Му Лян она чувствовала вину. Из-за дел семьи Линь её постоянно втягивали в неприятности. Она немного поворочалась, затем нашла ту руку, которая гладила её ухо, накрыла её своей и тихо произнесла:

— Это я из-за тебя доставила неприятности.

— Это проблема Её Высочества Синьян. Только она знала местонахождение Линь Сы. Теперь, когда его внезапно арестовали, Её Высочество должна спасти его и разобраться в этом деле. Ты не вмешивайся. Её Высочество сказала, что спасёт, так что жди спокойно. В ближайшее время не выходи из резиденции.

Му Лян терпеливо её утешала. Это была привычка, выработанная за многие годы, въевшаяся в кости. В этой жизни, вероятно, уже не изменишь.

Она смотрела вниз на Линь Жань, которая терлась об неё, и вдруг подумала: какой была бы её жизнь без неё?

Была бы она как Ци Юэ, прожившая жизнь с нелюбимым человеком, без радости и горя, без любви и ненависти, бессмысленно существуя, так что при воспоминаниях не останется и следа?

Или как Чанлэ, бунтующая против мира, целыми днями пропадая в борделях, предающаяся разврату и роскоши?

Если хорошенько подумать, то ничего этого не сравнить с нынешней жизнью. Она могла радоваться взрослению Линь Жань, гордиться её усилиями, улыбаться её радости.

Она пристально смотрела на неё и больше не чувствовала ненависти к Ло Цин, не считала Линь Сы безумным. Она давно попала в ловушку, и даже если сейчас прозрела, не могла заставить себя выбраться из неё.

Пусть будет ошибка. Каждый в жизни совершает ошибки. Она знала, что ошибается, но не хотела исправляться. Пусть будет злодеем.

Линь Жань продолжала тереться, слушая мягкий голос А-Лян, и на душе становилось тепло. Она смело подняла голову, и её тревожный взгляд встретился с растерянным и одержимым взглядом А-Лян.

В глазах не было ясности, словно тучи закрыли луну в пасмурную погоду, не видно было серебристого света, оставалось только сожаление. Она слегка подалась вперёд, желая разогнать эти надоедливые тучи.

Тучи не разгонялись, но случайно коснулась горячего дыхания, невольно замерла, взгляд стал пустым.

Линь Жань обычно не была такой, но в моменты двусмысленности начинала метаться.

Как объясняла Чанлэ: «Есть желание, но нет смелости».

Смелость немного выросла с течением времени, особенно когда она думала, что А-Лян ей

должна. Она набралась смелости, обхватила её талию руками, не давая убежать, не давая отказаться.

Повозка тряслась, было не так тихо, как обычно в комнате, стук колёс достигал барабанных перепонок. Му Лян понимала её намерения и позволила.

Ведь и правда была должна. Если откажет, та не отстанет. Она закрыла глаза, позволяя ей насладиться моментом.

Отсутствие отказа стало для Линь Жань самым большим поощрением.

Она слегка коснулась губ, медленно прикасаясь языком, горький вкус исчез, остался только вкус их смешения.

Попробовав вкус, она не могла остановиться, углубляя поцелуй, рука на талии сжалась сильнее.

Вкус на языке был словно сладкий рисовый пирог, мягкий и нежный, хотелось продолжить. Язык коснулся зубов, слегка надавил, языки переплелись.

Дыхание остановилось, кратковременное удушье заставило Му Лян потерять равновесие и мягко упасть в объятия Линь Жань.

Линь Жань тупо смотрела на румянец на её лице. Её маленький план удался, и она замолчала. Держа руку А-Лян, она нежно поглаживала её запястье, слушая её слегка учащённое дыхание.

А-Лян, вероятно, не умела целоваться. Наверное, раньше этого не было. Она глупо подумала, что в будущем будет относиться к А-Лян ещё лучше.

<http://bllate.org/book/16862/1553650>